

Кладбище как место
встречи живых и
мертвых: правила,
регулирующие
взаимоотношения
двух миров в
традиционной
культуре
Центральной России

The Cemetery as
a Place Where the
Living Meet the
Dead: Prescriptions
for Relations
between the Two
Worlds in the
Traditional Culture
of Central Russia

**Варвара Евгеньевна
Добровольская**

Государственный республиканский
центр русского фольклора, Москва

Varvara E. Dobrovolskaya

State Republican Center
of Russian Folklore,
Moscow

Резюме

В статье рассматриваются правила поведения на кладбище, которые подразумевают определенные коммуникативные связи между миром живых и миром мертвых. На ряде примеров доказывается, что правильное поведение живых обеспечивает безопасность и защиту от мира мертвых. Правильное поведение восстанавливает границу между мирами, разрушенную самим фактом смерти. Нарушение “правильного” поведения на кладбище, напротив, делает границу между мирами проницаемой, что приводит к появлению умерших в мире живых. В работе отмечается, что человек может вступить в контакт с умершими и получить от них необходимую помощь, если он соблюдает определенные правила.

Ключевые слова

фольклористика, культурная антропология, поверья, запреты и предписания, похоронно-поминальные ритуалы

Abstract

This article deals with the rules of behavior in the cemetery. These rules presumed certain communications between the world of the living and the world of the dead. A number of examples prove that correct behavior by the living provides safety and protection from the harm which otherwise could be inflicted by the dead. Correct behavior restores the boundary between the worlds destroyed by the fact of death. Violation of the "correct" behavior at the cemetery, on the contrary, leads to the breaking of this boundary, i.e., to the intervention of the dead into the world of the living. The paper notes that a person can come into contact with the dead and obtain from them whatever assistance might be necessary, if he complies with certain rules.

Key words

folklore, cultural anthropology, beliefs, taboos and prescriptions, funeral and memorial rituals

Похоронная обрядность всегда привлекала внимание исследователей. Достаточно обратиться к публикациям полевых материалов последнего десятилетия, чтобы убедиться в прекрасной сохранности похоронных ритуалов в большинстве регионов России, а также в русских анклавах за рубежом [Добровольская 1999; Добровольская 2004; Добровольская 2010; Кулев, Балакшина 2000; СМЭС 2003; Морозова, Новиков 2007: 187–206 и т. п.]. Изучение похоронной обрядности существенно не только "для реконструкции некоторых фундаментальных представлений славянского язычества, <...> но и для общетеоретического, типологического определения религиозной системы славян <...>" [Седакова 2004: 19].

Отношение к миру смерти проявляется в русской традиции через метафоры и фразеологические обороты, фиксируется в обрядовых практиках, может проявляться в различных аспектах игровой культуры или детского фольклора. Оно может реализовываться через системы культурных кодов. Все эти аспекты довольно основательно исследованы¹.

Похоронно-поминальный комплекс обрядовых действий можно рассматривать как определенный ритуальный диалог между живыми и мертвыми², зону активного проникновения двух миров. Как и любое ритуальное взаимодействие в традиционной культуре, контакты между миром живых и миром мертвых строго регламентируются целым рядом запретов и предписаний, призванных защитить живых от умерших. В

¹ Одной из последних работ, в которой категории жизни и смерти рассматриваются в контекстах, позволяющих проследить их изменения в культурно-историческом аспекте, стал сборник Института славяноведения РАН [Категория 2008].

² Подробнее об этом см. [Велецкая 1978: 147; Кавтаськин 1977: 267–273; Толстая 2000: 14–20].

традиционной культуре кладбище — это не только место погребения усопших. Это место пребывания душ умерших, их дом³. Действительно, в поверьях кладбище чаще всего рассматривается как поселение мертвых: *“Мы вот в деревне живем, мы живые — в деревне, а как помрем — снесут на кладбище, там наше обиталище будет до Судного дня. Там, значит, деревня мертвых. Живые в деревне живут, а мертвые на кладбище”* [Добровольская, Кулешов 2004: 164]. Соответственно, могила воспринимается как дом усопшего: *“У них, у покойников дом есть, вот могилка это ихняя изба, они там <живут>”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 1], или: *“Гроб — это дом, говорим, ведь — домовина. Гроб — дом для покойника”* [Добровольская, Кулешов 2004: 165].

Кладбище противопоставляется деревне как часть мифологизированного пространства, то есть как мир мертвых миру живых. Оно располагается обычно недалеко от деревни, в лесу или за рекой: *“Кладбище в лесочке делали, всегда в лесочке, чтоб не рядом, а так поодаль от деревни, но чтоб дойти”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 2]. Живые во избежание опасных воздействий со стороны умерших обязаны обустроить кладбище. Его всегда обносили оградой, хотя бы номинальной, устанавливали ворота и калитку: *“Кладбище всегда обнесено, за оградкой земля освященная, а так нет. Ворота делаем и вот калиточку”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 3].

В обязанности живых входит также обустройство могилы. Обязательной в рамках традиции считалось установка креста и поддержание формы могильного холма. Отношение к установке надгробья было разным. Так, например, во Владимирской области, где развита добыча белого известняка, уже в середине XIX века считалось правильным установить на могиле белокаменное надгробье с крестом и надписью, чаще всего содержащей имя, даты жизни и смерти покойного. Иногда надпись была более пространной, с цитатами из Священного Писания или стихотворными вставками, например:

Покойся прах души бесценной
Под сень обители святой.
Ударит час конца вселенной
И мы увидимся с тобой⁴.

Считалось правильным располагать надпись со всех сторон камня. Это было связано с представлениями о том, что в этом случае нечистый

³ Подробнее см. [Топоров 1987: 10–53].

⁴ Стихотворная эпитафия на могиле гороховецкого мещанина Николая Ивановича Карликова, родившегося 27 июля 1827 г., скончавшегося 23 октября 1892 г. Старое кладбище г. Гороховец, Владимирская обл. [Добровольская, Кулешов 2004: 166].

не побеспокоит душу умершего: *“Ране везде писали, вот погляди — весь камень исписан. Нечистого боялись — от него буквы и защищали, а сейчас для людей пишут, чтоб знали — кто тут лежит. Раньше — раб Божий лежит, чтоб душу никто не беспокоил — понапишут со всех сторон, а сейчас с лица только — для людей”* [Добровольская, Кулешов 2004: 173].

Однако в других регионах считается, что памятник “душу придавливает”, и его установка до самого последнего времени рассматривалась как опасная для покойного: *“Памятники да, ставят. Раньше только крест, а сейчас памятник. Сейчас-то уж где хотят ставят, а ране — только вот у головы, чтоб не на могиле, а у ей стоял. Рядом. Вроде как отмечали могилу”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 4].

Раньше могилу не огораживали, не высаживали на ней никаких растений, полагая, что *“все, что на могилке растет, то покойничку любо, а нам как узнать, что его порадует”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 5]. В настоящее время считается правильным могилу огородить и украсить место захоронения. В качестве украшений могут выступать садовые растения, чаще всего низкорослые, но иногда это могут быть растения, которые были любимы покойником при жизни. Особенно интересны в этом отношении могилы цветоводов-любителей, где могут быть высажены сортовые розы или пионы, необыкновенных цветов аквилегии и т. п. Заметим, что высадка любимого растения на могилу — единственный способ сохранить цветок: *“Сколько водосборов у Петра Максимыча было. Он же их специально по цветам отбирал, а как умер, так только те, что дети на могилку посадили, те только и выжили, а остальные сгнули”* [Добровольская 2011: 161].

Считается, что покойник ухаживает за своими цветами, поэтому на кладбище нужно оставить лейку, садовые инструменты и т. п.: *“На могилке если цветы сажаешь, то уж тут и лейку ставят, и грабельки какие, чтоб, значит, он за цветочками-то ухаживал”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 6]. Данное правило не противоречит запрету ничего не уносить с кладбища, чтобы избежать нежелательных визитов покойника: *“Вот у нас случай был, как-то с кладбища мы лейку забрали. Обычно она у нас там стоит, а тут мы ее прихватили. Так, папа так стучал, так ходил всю ночь, лейку эту искал. Мы утром подхватились и отнесли на кладбище, ему ж надо за цветами-то ухаживать. А лето жаркое было, а мы лейку-то унесли. Он и пришел за ней”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 7].

Однако наиболее правильным украшением могилы считаются искусственные цветы: *“Живым живое дарить надо, а покойнику искусственные. Если такие в доме держат, то покойники, говорят, ходят за своими цветами”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 8]. Могилу украшают также разноцветными стеклами, песком, блестящей мишурой и т. п.

Внутри ограды примерно с 30-х гг. XX века ставят столик и лавочку. Стол нужен для устройства поминальной трапезы при посещении могилы, а лавочка выступает местом диалога с покойным: *“Вот приду к могилке, сяду на лавочку и вот все рассказываю Пете моему, как дома, как дети. Стоя-то вроде и не поговоришь. Сесть надо. Он слушает и помогает мне”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 9].

Как видно из приведенных примеров, кладбище осознается неким местом контакта живых и мертвых.

Такие контакты, предусмотренные традицией, строго регламентированы. Исследователями фиксируется целый ряд правил взаимодействия живых с умершими. Как видно из вышеприведенных примеров, оговариваются правила устройства и ухода за могилой, ее украшение и т. п. Но главным, безусловно, являются прескрипции, связанные собственно с контактом между живыми и мертвыми.

Прежде всего регламентируется время посещения. Многие наши информанты отмечают, что в настоящее время данное правило нарушается: *“Все шастут на кладбище, как на гулянку каку”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 10]. Между тем, в традиционной культуре посещение кладбища всегда связано с определенным временем.

Кладбище необходимо посещать в поминальные дни и праздники, связанные с представлениями о возможности вступления в контакт с мертвыми. Такими праздниками для Центральной России являются Мясопустная неделя, Масленица (прежде всего Прощёное воскресенье), Вербная неделя, в рамках которой особо выделяются Лазаревская суббота и Вербное воскресенье, Фомина неделя (и отдельно Радуница), Вознесенье, дни троицкого цикла (Семика, Троица и Духов день) и некоторые другие дни. Наши информанты верят, что в это время умершие ждут прихода живых, чтобы отметить с ними праздник, поэтому на кладбище обычно приносят знаковые для данного праздника блюда: *“На Фоминой с яичком приходим – христосуемся с покойником, а на Масленной – блинком поминём. Покойник, он ждет, кто придет к нему”* [Добровольская, Кулешов 2004: 174].

Приходя в годовщину смерти и поминальные дни, например в Родительскую субботу, живые приносят на могилу еду, относящуюся к поминальной трапезе. Так, если на поминальном столе главным блюдом является кутья, приносят ее, если кисель, блины, лапшевник, закрытые пироги, то их: *“Вот на Родительской приходишь и вот кусок киселя несешь. Вот киселем поминают и вот кладут ему на могилку, это его помин, его угощение”* [АниЦткэ: Ф. 8. П. 13. Е. х. 11].

В то же время существует строжайший запрет приходиться на кладбище в день рождения умершего. Считается, что в случае нарушения данного предписания покойник начнет приходиться к живым: *“Покойника*

в день рождения не поминают, на кладбище не ходят и за столом не поминают — он являться начнет” [Добровольская, Кулешов 2004: 174].

Считается правильным ходить на кладбище в воскресенье, после церковной службы: *“Попроведывать покойников нужно, вот из церкви идёшь, и вот заходят попроведать, там чего им положишь, помин какой, печенюшку какую, кокфетку, еще чего. Чтоб вот значит было*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 12].

Единственным воскресеньем, в которое нельзя ходить на кладбище, является Пасха, так как считается, что этот день умершие проводят не на кладбище, а у Божьего престола: *“У Божьего престола они, с Богом христосуются, а на кладбище и нет никого*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 13]. Однако в годы Советской власти большинство людей ходили на кладбище именно на Пасху, поскольку посещение могил было единственным способом (зачастую совершенно неосознанным) выразить свою принадлежность к вере. Записано большое число воспоминаний о том, как на Пасху на кладбищах собиралось множество людей, что они приносили на могилы крашеные яйца, куски куличей и пасхи. Такие посещения в значительной степени осознавались праздником, однако преимущественно для живых: *“Раньше ведь Пасху праздновать не давали. И вот люди шли на кладбище, прям крестный ход, как первомайская демонстрация, все нарядные, все с вербочками, с яичками красненькими. Все такие веселые, мужички поддатенькие чуть-чуть, только что вот песен не пели. Пасху вот так у нас отмечали*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 14].

С возобновлением церковной жизни священники повели активную борьбу с посещением кладбищ на Пасху. Теперь почти все знают, что кладбище нужно посещать на Радуницу, и большинство наших информантов ходит на кладбище в этот день *“с покойниками похристосоваться*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 15], но при этом продолжают ходить и на Пасху: *“Пасха праздник большой и у покойников тоже Пасха, их тоже поздравить нужно*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 16].

Большинство сельских священников в настоящее время прекратили бороться против этого обычая и призывают своих прихожан не забыть посетить могилы родных и на Радуницу: *“У нас батюшка, он говорит, что не надо ходить на Пасху на кладбище, не принято это. Но мы уж так привыкли, ходим. Он сначала ругался, а сейчас уж говорит, что ходите, мол, только вот на Радужное тоже не забудьте. Мы и на Радужное ходим. Это вот говорят Пасха для покойников, а нам уже и не праздник. Так, на кладбище надо придти — покойников попроведать, еще им яичков с куличиком положить, до Троицы же едим*” [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 17].

Еще одним обязательным для посещения кладбища днем в настоящее время становится Новый год. Особенно это заметно по могилам

детей и молодых людей, на которых в преддверии Нового года появляются новогодние елочки, мишура, игрушки: *“Раньше не было так, а сейчас смотрю, елки стали ставить на могилку, с игрушечками, деткам подарки кладут”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 18].

Человек должен приходиться на кладбище утром, но не на рассвете, *“а то покойнички еще спят”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 19]. Входить обязательно в калитку, так как *“через ворота только покойника везут, если в ворота (пойдешь) — значит, тебя самого скоро повезут”* [ДОБРОВОЛЬСКАЯ, КУЛЕШОВ 2004: 164]. Считается, что умершие родственники ожидают своих родных, стоя у ворот кладбища: *“Вот кто умер, те своих родственников у ворот ждут, когда в калитку-то войдут. С ними к могилке-то идут”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 20]. Считается, что с покойником можно разминуться, если придти позже и преодолеть ограду кладбища в непопленном месте: *“Я ему говорю: «Что ж ты, Петька, через ограду-то лезешь. Тебя мамка у калитки ждет, все глазыньки просмотрела, где там ее Петька, а он через ограду лезет. Кого ж навещать пришел, нету там никого, у ворот стоит, ждет». Гляжу, полез обратно, вошел через калитку, мать ведь его у калитки ждет”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 21].

Надо отметить, что основными посредниками между живыми и умершими были дети и нищие, то есть те, кому разрешалось брать поминалы, оставленные на могилах. Считается, что если ребенок возьмет какое-либо угощение с могилы, то это *“его покойник угостил, а ребенка угостить — это Богоматерь порадовать. А откуда ж покойнику взять, вот своим помином и угощат. Никому нельзя брать — только деткам. Он хоть и помер, а Богов поступок совершит должен”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 22]. Второй “Богов поступок”, который живые помогали совершать покойнику, — это милостыня нищим: *“Нищему подать — Богово дело. Вот на могилке помин оставим и вот нищие забирают. Покойниково подаяние собирают. Никто не возьмет — нищим это они подают”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 23]. Оставляя поминалы, живые таким образом обеспечивают покойнику возможность совершить благодеяние. Нищие же, в свою очередь, получая подаяние от живых, молятся за здоровье, а забрав помин с могилы — за упокой.

Отметим, что в традиционной культуре кладбище было не только местом необходимых контактов между мертвыми и живыми, но и местом общинного общения живых людей. На кладбище собирались в том случае, если должны были решить проблемы, связанные с обустройством погоста (ремонт или строительство кладбищенской церкви или часовни, ремонт ограды, уход за старыми могилами). Все эти вопросы решались обычно рядом с церковью или с общим крестом. В настоящее

время место такого обсуждения находится рядом с кладбищенскими воротами или конторой ритуальных услуг.

Тут же договаривались и о рытье могилы (поскольку до самого последнего времени на деревенских кладбищах могилу рыл кто-нибудь из односельчан умершего, поскольку родне это запрещалось): *“Если о смерти чего говорить, там вот что сделать нужно — это все на кладбище решали”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 24].

Поскольку живые в данной ситуации вторгались на территорию умерших, то им необходимо было получить от мертвых разрешение в форме какого-либо знака. Чаще всего таким знаком были блуждающие огоньки на кладбище или стая ворон, резко взмывающая в небо: *“У нас вот когда ограду ремонтировать собрались, вот тут пришли, а не всходят, ждали, чтоб разрешили на кладбище придти — мы ведь без срока собрались. И вот вдруг как взмоют вороны-то, а они сидят себе, ни ветра, ни шума — а тут взмыли. И мы поняли, что можно решать, что и вот пошли. Нас пустили”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 24].

В то же время кладбище было и местом контакта мертвых между собой. Души умерших живут на кладбище и сохраняют привычки живых людей. Они выходят из могил, гуляют по кладбищу, наносят друг другу визиты. Для того чтобы умершие могли осуществить свои желания, живые не должны создавать им препятствий. Так, если могилы огорожены, то калитки в оградах не должны быть закрыты плотно, а в некоторые календарные циклы и вовсе должны быть открыты. В случае нарушения этого правила умершие начинают приходить к живым: являться им во снах, казаться, мерещиться и т. п.: *“Вот я раньше не знала, что калиточки-то прикрывать не надо, надо чтоб хоть щелка какая была. Вот прикрыла и на палочку. Пришла домой и прилегла, а папа пришел ко мне, так ясно-ясно его вижу и говорит: «Что ж ты, доча, меня заперла-то. Я вот и с мужиками покурить не выйду. Отопри меня, доча». А мне и невдомек. Весь день проколготилася, а вечером опять. Я испугалася, к бабке побежала. Она мне и говорит: «Калиточку-то открой. Заперла отца-то». Я уж с тех пор не припираю — он не приходил больше”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 26].

Для того чтобы общение умерших между собою было полноценным, живые должны обеспечить умерших необходимыми им вещами. Так, курильщику нужно оставлять на могиле табак или сигареты, детям — игрушки или конфеты, младенцам — пеленки: *“Вот у нас померла одна, и вот мужу она стала приходить. Она беременна умерла, может месяце на третьем. И вот прошло сколько-то там времени, и она вот стала приходить. Вот разродилася, а ребенка завернуть не во что. И вот он на могилу-то ей пеленки положил и погремушку, и вот она перестала ходить”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 27].

Иногда умершему в гроб забывают положить необходимые ему вещи, и тогда он является живым и просит вернуть ему забытое: *“У нас вот старушка жила, ходила с палочкой. И вот она помёрла, и вот забыли ей ключечку ее положить. И вот кто-то пришел на кладбище, а она стоит вот так у могилки и жалостливо так просит: «Ключечку дайте, ходить не могу», — и вот они побежали, и ей в могилу эту ключечку зарыли, и она не казалась больше”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 28].

Иногда человек не догадывается, что он нарушил какой-либо запрет, и тогда покойник может стать опасным: приходиться в дом, стучать, пугать, насылать болезни и т. п.: *“Вот уж не знаю, что ему там копать надо и вот он повредил могилу. И как его мучило. Покойник ходил, и стучал, и вот он весь измучился. А вот не знал, что там могила была, он там у своих что-то делал. И вот повредил. Потом ему сказал кто-то. И он там все поправил. И перестал ходить-то. А ведь мог и умереть”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 29].

Особую группу составляют правила поведения на кладбище. Так, на кладбище нельзя громко разговаривать, кричать, ругаться, *“а то у покойника уши болеть будут и твои молитвы до Бога не дойдут”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 30]. Считается, что молитвы человека, особенно связанные с какими-либо просьбами, лучше доходят до Бога, если их говорят на могилах. Тогда умершие просят Бога за свою родню. Соответственно, если у умерших “болят уши”, то они не слышат просьб живых и не могут передать их Богу.

Нужно следить за чистотой могилы, *“а то у мертвых глаза засыплет”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 31]. Хорошо известно воспоминание И. М. Снегирева о сообщении Пушкина, которое тот сделал во время чтения второй главы “Евгения Онегина”, о том, что “есть в некоторых местах обычай троичными цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза”⁵.

Собственно, глаза родителям прочищали не только на Троицу, но и при обычных, непраздничных посещениях кладбища⁶. Цель этого действия — обеспечить умершим хорошее зрение на том свете. Считается, что если покойник не видит на том свете, то он возвращается в это мир и пугает здесь нерадивых родственников различными звуками и своим неожиданным появлением: *“А они ему могилу запустили, и вот он стал им приходиться — мне на том свете не видно. И вот он им стучит и пугает. Они боялись. И вот побежали — могилку-то прибрали и он перестал приходиться. Они ему глаза почистили. Не забывали потом”* [АниЦткэ: Ф.8. П.13. Е.х. 32].

⁵ Запись в дневнике Снегирева от 24 сентября 1826 года [Пушкин 1957: 591].

⁶ Подробнее об этом см. [Толстой 1995:185–205].

На кладбище никогда нельзя говорить покойнику *До свидания*, а только *Прощайте* — во избежание скорой смерти: “Сам покойником скоро будешь, если «до свидания» скажешь” [Добровольская, Кулешов 2004: 174].

Умерших предписывается звать на все семейные праздники. Для этого нужно придти на могилу, поклониться и позвать умершего на торжество. Именно с этим связано посещение кладбища невестой-сиротой, когда она зовет родителей на свою свадьбу, кума с кумой, если родители их крестника умерли, а намечается какое-то семейное торжество и т. п. [Трофимов 1999: 25–26; Левкиевская 2009: 641–642].

Особой ситуацией общения живых и мертвых являются похоронные причитания. Анализ текстов похоронных причитаний показывает, что живые никогда не ставят цель вернуть умерших в свой мир, и это постоянно подчеркивается “формулами невозможного”. Однако потенциально возможен диалог живого с умершим на могиле. Во многих причитаниях сразу за призывом ожить следует побуждение к разговору. В причитаниях вопленица не только сообщает покойному о своей тяжелой жизни, но и просит умершего рассказать, как он живет на том свете, просит у него помощи и совета, как ей жить дальше. Отметим, что многие информанты говорили, что после причитаний на кладбище и просьбы к покойному дать совет в трудной ситуации последний являлся к ним в сновидениях и сообщал, как нужно поступить в том или ином случае. Так что в определенной мере мы можем говорить о двусторонней коммуникации.

* * *

Как видно из приведенных выше примеров, поведение на кладбище требовало от живых соблюдения целого ряда правил, призванных восстановить границу между мирами, разрушенную самим фактом смерти, и защитить людей от представителей “иного”, опасного мира смерти. Поведенческие нормативы, которые необходимо было соблюдать на кладбище, подразумевали определенные коммуникативные связи между миром живых и миром мертвых. Нарушение правил делало границу между мирами проницаемой, а их строгое соблюдение призвано было защитить от возможных проникновений мертвеца в пространство, принадлежащее живым людям — как его родственникам, так и всем членам деревенского социума. В то же время при соблюдении определенных правил граница между миром живых и миром мертвых могла стать менее прочной, и живой человек мог вступить в контакт с умершими и получить от них необходимую помощь.

Литература

АНИЦТКЭ

Архив научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии.

ВЕЛЕЦКАЯ 1978

ВЕЛЕЦКАЯ Н. Н., *Языческая символика славянских архаических ритуалов*, Москва, 1978.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ 1999

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., “Похоронные обряды”, в: В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, И. А. МОРОЗОВ, В. Г. СМОЛИЦКИЙ (сост.), *Фольклор Судогодского края*, Москва, 1999, 230–244.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ 2004

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., “Похоронный обряд”, в: *Традиционная культура Гороховецкого края*, Москва, 2004, 155–164.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ 2008

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., “Похороны”, в: *Традиционная культура Муромского края*, Москва, 2008, 151–168.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ 2010

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., “«От мертвых с погосту гостинца не носят...»”, *Живая старина*, 1, 2010, 27–30.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ 2011

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., “«Зеленые пальцы» и «сообразительные живучие умнички»: запреты и предписания в субкультуре цветоводов”, *Вестник РГГУ*, 9 (71), 2011, 148–165.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ, КУЛЕШОВ 2004

ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е., КУЛЕШОВ А. Г., “Кладбища в традиционной культуре Гороховецкого края”, в: *Традиционная культура Гороховецкого края*, Москва, 2004, 164–176.

КАВТАСЬКИН 1977

КАВТАСЬКИН Д. С., “Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки”, в: *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами*, Москва, 1977, 267–273.

КАТЕГОРИЯ 2008

Категория жизни и смерти в славянской культуре. Сборник статей, Москва, 2008.

КУЛЕВ, БАЛАКШИНА 2000

КУЛЕВ А. В., БАЛАКШИНА С. Р. (сост.), *Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды, расшифровка и нотация* С. Р. Балакшиной, Вологда, 2000.

ЛЕВКИЕВСКАЯ 2009

ЛЕВКИЕВСКАЯ Е. Е., “Сирота”, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общ. ред. Н. И. Толстого, 4, Москва, 2009, 641–642.

МОРОЗОВА, НОВИКОВ 2007

МОРОЗОВА Н., НОВИКОВ Ю. (сост.), *Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии*, Тарту, 2007.

ПУШКИН 1957

ПУШКИН А. С., *Полное собрание сочинений*, 5, Москва, 1957.

СЕДАКОВА 2004

СЕДАКОВА О. А., *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*, Москва, 2004.

СМЭС 2003

Смоленский музыкально-этнографический сборник, 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи, Москва, 2003.

Толстая 2000

Толстая С. М., “Мир живых и мир мертвых: формула существования”, *Славяноведение*, 6, 2000, 14–20.

Толстой 1995

Толстой Н. И., “Глаза и зрение покойников”, в: Он же, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва, 1995, 185–205.

Топоров 1987

Топоров В. Н., “Заметки о похоронной обрядности”, *Балто-славянские исследования*. 1985, Москва, 1987, 10–53.

Трофимов 1999

Трофимов А. А., “Убогий сирота”, *Живая старина*, 1, 1999, 25–26.

Добровольская Варвара Евгеньевна, к. ф. н.

ведущий научный сотрудник,

зав. фольклорно-этнографическим отделом и ученый секретарь

Государственного республиканского центра русского фольклора

109017 Москва, Турчанинов переулок, д. 6

Россия / Russia

dobrovolska@inbox.ru